

УДК 1(091);930.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.271

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ К. СКИННЕРА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Контекстуализм Скиннера выражается в представлении, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при помещении их в соответствующий лингвистический контекст. Указывается, что для Скиннера объединенные идеи Витгенштейна и Остина представляют собой особый тип герменевтики интеллектуальной истории, проект понимания и интерпретации текстов. Отмечается, что интерпретация текста должна быть тесно связана с речевыми актами и намерениями, при этом понимание предполагаемой иллокутивной силы является необходимым условием понимания высказывания.

Ключевые слова: интеллектуальная история, речевой акт, понимание, иллокутивная сила, язык.

К. Скиннер в настоящее время является одной из самых важных фигур в интеллектуальной истории и Кембриджской школе политической мысли. Автор большого количества эссе по методологии интеллектуальной истории и английской политической теории, он наиболее известен как сторонник контекстуалистского подхода к историческим исследованиям. Ему близок холизм, обнаруживаемый в философии У. Куайна, Д. Дэвидсона и особенно позднего Л. Витгенштейна: «Я стремлюсь интерпретировать конкретные высказывания, помещая их в интеллектуальный контекст других убеждений, анализировать системы убеждений, помещая их в более широкие интеллектуальные рамки, и истолковывать более широкие интеллектуальные границы в свете *longue duree*» [15, р. 4–5].

Одной из проблем, рассматриваемых Скиннером в методологических работах, является интерпретация. Обращаясь к литературной теории, где интерпретация рассматривается как попытка истолковать текст и обнаружить его значения, он указывает на ряд сложностей подобной процедуры. Во-первых, исследователь должен стремиться избегать утверждений о существовании единственного правильного прочтения текста, что исключает возможность представления альтернативных интерпретаций. Во-вторых, следует не допускать упрощений, сводящих интерпретацию исключительно к процессам чтения. Принимая во внимание данные положения, следует сформулировать определение интерпретации по Скиннеру – это способ понять суть текста, расшифровать и раскрыть его значение, чтобы таким образом достичь наилучшего понимания.

© Потамская В.П., 2024

Хотя проблема интерпретации текста является достаточно дискуссионной, Скиннер сводит обсуждения к двум основным позициям, выделяемым в литературной критике. В границах первой необходимость интерпретации определялась в феноменологических терминах и характеризовалась как реакция на постоянно меняющееся восприятие читателем прочитанного, стремление «собрать все в последовательную схему». В рамках второй позиции утверждалось, что любое литературное произведение является объектом значительной внутренней сложности, обладающей набором таких приемов, как ирония, аллюзия, ряд символических и аллегорических эффектов, поэтому интерпретации обуславливалась стремлением представить данное произведение «более доступным для читателя». Признавая спорность обеих позиций, Скиннер утверждает, что интерпретация текста должна быть тесно связана с речевыми актами и намерениями, и подробно раскрывает данную проблематику в эссе «Интерпретация и понимание речевых актов».

Общая направленность работ Скиннера определяется позицией Витгенштейна, согласно которой язык представляет собой intersubjectively разделяемое множество инструментов, применяемое для различных целей, поэтому невозможно говорить и думать об изолированных значениях слов, следует изучать их использование в языковых играх и формах жизни. Разделяя позицию, озвученную в «Философских исследованиях», что *слова* есть также *действия*, Скиннер объединяет общую лингвистическую прагматику Витгенштейна с теорией речевых актов, разработанной Дж.Л. Остином, в центре внимания которой стоял вопрос, что именно подразумевается под исследованием употребления слов и что имеется в виду, когда слова рассматриваются как действия [13]. Для Скиннера объединенные идеи Витгенштейна и Остина представляют собой тип герменевтики интеллектуальной истории, проект понимания высказываний и интерпретации текстов [11, p. 103].

Для Остина, равно как и для Витгенштейна, понимание любого высказывания включает в себя не только трактование смысла и значения терминов, используемых для его артикуляции. Необходимо обнаружить средства для восстановления того, что субъект действия осуществлял, говоря то, что было сказано, и, следовательно, понять, что он мог иметь в виду, произнося высказывание, обладающее определенным смыслом и отсылками. Хотя Витгенштейн, как представляется Скиннеру, уже отмечал наличие различных измерений языка, именно Остин смог осуществить их дифференциацию, выделяя традиционно описываемое измерение, связанное с непосредственным значением слов и предложений, и «особую силу», с которой высказывание формулировалось или произносилось в каждом конкретном случае. Чтобы проиллюстрировать уточнения Остина, внесенные в предложенный Витгенштейном анализ, Скиннер предлагает следующий пример. Полицейский видит на пруду фигуриста и говорит: «Там очень тонкий лед». Полицейский произносит что-то, и эти слова что-то значат. Чтобы понять

происходящее, с одной стороны, нужно знать значение слов. Но, с другой стороны, также необходимо знать, «что полицейский делал при помощи того, что он сказал». Например, полицейский мог предупреждать фигуриста, и в этом случае высказывание могло быть произнесено с иллокутивной силой предупреждения. «Как всегда подчеркивал Остин, говорить с определенной иллокутивной силой – это обычно совершать действие определенного рода, совершить определенный акт, осуществить намеренное и осознанное действие» [10, р. 275].

Иллокутивный акт является одним из неологизмов, введенных Остином для того, чтобы определить точный смысл того «использования языка», которое его интересовало. Говоря о силе высказывания, он главным образом указывал на коммуникативную направленность речевого высказывания, стремясь понять, что мог делать субъект, произнося то, что было сказано. Подобное измерение отличается от целого ряда вещей, которые возможно сделать, используя слова, например, когда говорящий стремится чего-то добиться или намеренно воздействует на адресата в целях достижения определенного результата (что представляет собой перлокутивную силу). Вместе с тем следует отметить, что Скиннер не отмечает еще одного измерения, выделяемого Остином, – локутивного, представляющего собой само произнесение высказывания, которому присуще значение. По Остину, говорить с определенной иллокутивной силой – значит совершать действия определенного рода, вовлекаясь в процессы осознанного поведения. Закономерным вопросом, возникающим при обсуждении подобной позиции, является определение того, что связывает иллокутивное измерение языка и выполнение иллокутивных актов, и, по мнению Skinner, этим элементом являются намерения действующего субъекта. Рассмотрим более подробно речевой акт предупреждения кого-либо о чем-либо. Чтобы совершить это конкретное действие, субъект должен не только произнести конкретное высказывание, обладающее формой и силой предупреждения. Автор высказывания должен понимать его как предупреждение и осознавать, что оно воспринимается как предупреждение, и именно в этом случае высказывание будет выступать как пример намеренного действия.

Несмотря на то, что в определениях речевых актов Скиннер следует за взглядами Остина, следует провести разграничение их позиций. Остин предполагал (в духе Витгенштейна), что «освоение» иллокутивных актов требует наличия сильных и строгих лингвистических конвенций, и именно такие конвенции, а не намерения говорящих, должны быть основополагающими для иллокутивных актов. Скиннер, в свою очередь, преобразовал позицию Остина, сблизив ее с идеями П. Стросона и Д. Сёрля: «Мне кажется, что если мы хотим дать определение иллокутивным актам, которое не смог дать Остин, нам нужно серьезно отнестись к их статусу речевых актов и подумать о видах намерений, которые необходимы для их успешного выполнения» [11, р. 105]. Тем самым иллокутивное измерение языка и осуществ-

ление иллокутивных актов связаны между собой намерениями действующего субъекта. Воззрения Скиннера относительно связей между намерениями говорящих и иллокутивной силой высказываний содержат в себе две противоположные ошибки, по мнению ряда критиков. Во-первых, и это, в частности, отмечает К. Грэм [4], Скиннер не признает, что намерения не всегда сопровождаются соответствующим иллокутивным актом. Например, даже если человек говорит или пишет с предполагаемой силой предупреждения, он все равно может не осуществить акт, направленный на то, чтобы кого-то предупредить. Подобная критика предположительно восходит к первоначальному описанию речевых актов Остина, считавшего, что для успешного совершения действия предупреждения важно, чтобы субъект «воспринял» его как акт предупреждения. Тем самым понимание зависит от конкретного анализа дескриптивного элемента в понятии действия. Основная идея состоит в том, что любое произвольное действие должно быть представлено формулой «привести к этому р», где «р» указывает на новое положение дел, возникшее в результате действия. Таким образом, совершение действия – это создание нового конечного состояния, которое можно представить не просто как следствие, но и как индикатор успешного выполнения действия: «нельзя сказать, что я предупредил публику, если она не слышит, что я говорю, и не воспринимает то, что я говорю» [11, р. 108].

Данная позиция представляется Скиннеру достаточно спорной. Он следует за идеями Д. Дэвидсона, согласно которому, во многих случаях «р» просто обозначает событие, а не новое положение дел, которое можно представить как следствие успешного выполнения действия. Для Скиннера подобная ситуация применима к действиям предупреждения, поскольку предупредить кого-то – значит указать на тот факт, что человек находится в состоянии опасности, другими словами, успех в осуществлении иллокутивного акта предупреждения обозначает обращение к самому факту угрозы. При реализации речевого акта с намерением комплимента необходимо просто обратиться к человеку в соответствующем стиле; для информирования достаточно создать инструкцию соответствующего рода. «Ни в одном из этих случаев для успешного выполнения иллокутивного акта не требуется, чтобы существовало какое-то новое конечное состояние для человека, которому адресованы данные слова» [11, р. 108].

Во-вторых, критики утверждают, что могут существовать иллокутивные намерения без соответствующих действий, стало быть, Скиннер упускает из виду целый класс «непреднамеренных иллокутивных актов» (что также отражено в работе Грэма). Однако для Скиннера подобного класса высказываний попросту не существует, а причина, по которой возможно предупредить кого-либо непреднамеренно, состоит в возможности возникновения обстоятельств, при которых произнесение определенного высказывания будет воспринято как случай предупреждения об опасности.

Но в подобной ситуации субъект действия будет пониматься как говорящий, и фактически он будет говорить с иллюкутивной силой предупреждения.

Другим закономерным вопросом, возникающим относительно размышлений Скиннера о речевых актах, является проблема автора и авторской интенциональности. Дж. Кин [7] отмечал, что Скиннер следует традиционному подходу, ставит в центр рассуждений автора произведений и, видимо, не знаком с заявлениями о смерти автора, выдвинутыми Р. Бартом и М. Фуко. В свою очередь, по мнению П. Дженссена [6], Скиннер практически не затрагивает проблему автора и по большей части поддерживает антиинтенционалистскую позицию, обращая основное внимание не на отдельных авторов, а на общий дискурс времени. Как представляется, подобные разночтения во многом обусловлены двойственной позицией Скиннера. С одной стороны, он не стремится полностью отойти от традиционной фигуры автора в целях объяснения процессов концептуальных изменений: вполне возможно определить те моменты в истории философии, когда возникает новая тема или формируется новый способ осмысления устоявшейся концепции, а за подобными изменениями могут стоять отдельные авторы [9]. Кроме того, если историк обращается к моментам, когда существующее положение дел или конвенции подвергаются сомнению или же оспариваются, представляется достаточно сложным обойтись без категории автора. Скиннер также не принимает деконструктивистскую тенденцию текстовой интерпретации, стирающую различие между текстами, поскольку без автора не существовало бы способа объяснить, как меняется политический дискурс общества. С другой стороны, хотя Скиннер использует автора для объяснения изменений в политическом дискурсе, он не позволяет ему занимать центральное место в методологии, поскольку концентрация на предполагаемых состояниях действующего лица приводит к игнорированию значительного количества информации, которая имеет отношение к любым попыткам объяснения. Историк в первую очередь должен изучать то, что называется «языками» дебатов (по словам Дж. Покока) [8], и лишь во вторую очередь – связи между индивидуальным вкладом в подобные «языки» и диапазоном дискурса. Кроме того, намерения, стоящие в центре размышлений Скиннера, также выражаются в публичной сфере, являясь заданными в пространстве социальных значений: «какие бы намерения ни были у данного автора, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса» [14]. К примеру, «человек размахивает руками, чтобы предупредить, что бык собирается атаковать». Подобное предупреждение подразумевает понимание намерений, с которыми он действует. Однако восстановление этих намерений не является вопросом выявления соответствующих идей в сознании человека в тот момент, когда он впервые начинает размахивать руками. «Нужно осознать тот факт, что размахивание руками может расцениваться

как предупреждение, и что это, очевидно, именно эта условность используется в данном конкретном случае» [14]. Стало быть, намерения, с которыми действует человек, могут быть выведены из понимания конвенционального значения самого действия.

Следует отметить, хотя Скиннер обращается к тому, что автор имел в виду или подразумевал под высказыванием (каким бы ни было значение самого высказывания), он заинтересован именно в изучении реализации иллюкутивных актов. В частности, обнаружение иронии возникает не как проблема значения, а как проблема иллюкутивных актов. Скиннер основывает аргументацию на интерпретации воззрений Д. Дефо в брошюре «Кратчайший путь к несогласным». При прочтении предложения Дефо «религиозных инакомыслящих следует подавлять и желательнее казнить» возникают сомнения, применим ли в данном конкретном случае стандартный способ буквального толкования. Высказывание имеет несомненную форму и кажущуюся силу рекомендации, даже призыва, другими словами, прямое значение того, что произнес Дефо, достаточно ясно – религиозное инакомыслие следует причислить к преступлениям, караемым смертной казнью. «Но Дефо не совершает соответствующего иллюкутивного акта. Напротив, его иллюкутивное намерение состоит в том, чтобы высмеять нетерпимость» [10, р. 270–271]. Значение самого высказывания вместе с контекстом его возникновения таковы, что говорящий не испытывает сомнений в способности своей аудитории обеспечить «понимание» предполагаемого иллюкутивного акта.

Стало быть, для Скиннера ключевыми являются два вопроса относительно значения и понимания текстов. Один из них – это вопрос о том, что означает текст, другой – вопрос о том, что мог иметь в виду его автор. «Я утверждал, что для понимания текста необходимо ответить на оба вопроса. Однако верно то, что, хотя эти вопросы и можно разделить, в конечном итоге они не являются отдельными. Если я хочу понять, что кто-то имел в виду или подразумевал под тем, что он сказал, я должен быть уверен, что значение того, чтобы было произнесено, само по себе было подразумеваемым. Иначе не будет ничего, что авторы имели в виду» [11, р. 113–114]. Тем самым, любой текст включает в себя предполагаемое значение, и его восстановление является предварительным условием понимания того, что мог иметь в виду его автор. Но вместе с тем любой текст содержит гораздо больше значения, чем мог бы вложить в него даже самый изобретательный автор, и именно это будет добавочным значением, рассматриваемым П. Рикером, с чьей позицией полностью согласен Скиннер.

Понимание или «усвоение» предполагаемой иллюкутивной силы является необходимым условием понимания высказывания. Закономерным вопросом является то, каким образом этот процесс может быть реализован на практике в случае сложных речевых актов. Наиболее очевидным фактором, определяющим предполагаемую силу любого высказывания, является значение самого высказывания. На значение влияет сама грамматическая

конструкция. К примеру, когда полицейский произносит высказывание «Лед там очень тонкий», предполагаемая иллокутивная сила не может заключаться в вопросе к фигуристу. Вторым определяющим фактором для Скиннера являются контекст и обстоятельства высказываний. Следует согласиться с позицией М. Бевира, утверждавшего, что подход Скиннера представляет собой пример лингвистического контекстуализма [2]. Он позволяет увидеть, как человек «захвачен» собственным специфическим языковым контекстом, и понять, что современные концепции не являются самоочевидными интерпретациями реальности [3]. Лингвистический контекст состоит из унаследованной культуры и традиций политического мышления, преобладающих в данном обществе, стало быть, автор действует только в рамках словарей (или же идеологий), устанавливаемых специфическим языковым контекстом [14]. В то же время достаточно сложно говорить о том, что подобный контекст должен быть современен автору текста, т. е. являться непосредственным и ближайшим. И здесь Скиннер соглашается с идеями Дж. Покока, отмечавшего, что проблемы, на которые авторы отвечают и реагируют, могли быть поставлены в отдаленный период и даже в совершенно иной культуре [8]. Подходящим контекстом для понимания сути высказываний авторов всегда является тот контекст, который позволяет оценить природу их высказываний. Его восстановление в каждом конкретном случае требует проведения чрезвычайно широкого и подробного исторического исследования [11, р. 117].

Любой текст любой сложности будет содержать множество иллокутивных актов, и отдельная фраза в тексте может содержать больше актов, чем слов. И именно подобный факт выступает одной из причин сохранения и расширения всего диапазона дискуссий относительно интерпретаций. Основная цель исследователя, по Скиннеру, состоит в том, чтобы рассматривать тексты как вклад в развитие конкретных дискурсов, изучая и выявляя способы, посредством которых тексты следовали, бросали вызов или подрывали условные термины существующих традиций изложений. Другими словами, цель состоит в том, чтобы вернуть конкретные изучаемые тексты в тот интеллектуальный контекст, в котором они изначально сформировались, и осуществить интерпретацию. Рассмотрим, например, природу сатиры, которая встречается в «Дон Кихоте» М. де Сервантеса. В границах одной из традиций интерпретации утверждалось, что поскольку Дон Кихот стремится сражаться с несправедливостью и помогать угнетенным, сатира Сервантеса обращена исключительно к устаревшему подходу к жизни, а не к его ценностям самим по себе. Следовательно, характер Дон Кихота должен быть оценен как одновременно благородный и комический. Но, как отмечает ряд критиков, сложно придерживаться подобного прочтения, если рассматривать комедию Сервантеса применительно к жанрам рыцарских романов, столь популярных в то время: «Мы начинаем понимать... что ценности и стремления Дон Кихота, не в меньшей степени, чем его поведение,

представляют собой безумно буквальное подражание стереотипному поведению героев рыцарских романов». Таким образом Сервантес стремился дискредитировать не только возможность вести рыцарскую жизнь, но и ценности, связанные с этой жизнью. Это позволяет сформировать новое понимание того, как следует оценивать характер главного героя, пространство сатиры и моральной основы произведения [11, p. 125–127].

Актуальность и важность подобных исследований заключается в том, что они помогают отойти от современных собственных предположений и систем убеждений и тем самым определить позицию относительно других, отличающихся форм жизни. Говоря словами Х.Г. Гадамера и Р. Рорти, возможно поставить под сомнение уместность любого резкого различия между вопросами, представляющими исторический и философский интерес, признавая, что современные описания и концептуализации ни в коей мере не являются привилегированными. И здесь Скиннер в определенной степени созвучен с И. Берлином, стремясь оценить конкурирующие системы мышления, достигнуть большей степени понимания и терпимости к элементам культурного разнообразия, приобрести ту перспективу, которая позволит рассматривать современность более самокритично [11, p. 125].

Закономерный вопросом в контексте подобных обсуждений является предполагаемый релятивизм Скиннера, на который, в частности, указывают Грэм [4] и Холлис [5]. Тем не менее следует отметить, что Скиннер не является сторонником концептуального релятивизма. Для него вопрос о том, что рационально считать истинным, может меняться в зависимости от совокупности убеждений, однако он не предполагает, что сама истина может изменяться таким же образом [1]. В отличие от релятивистов, Скиннер вообще не пытается сформулировать определение истины и даже избегает рассуждений о ее проблемах: «я вообще не говорю об истине; я говорю о том, что разные народы в разное время могли иметь веские причины, по их мнению, придерживаться истин, независимо от того, считаем ли мы правдивыми и истинными подобные высказывания» [12, p. 52].

Для Скиннера вопрос об истине соединяется с вопросом рациональной приемлемости. Поэтому любое конкретное убеждение, интересующее историка, будет являться частью обширной сети убеждений, внутри которой различные отдельные элементы связаны друг с другом. К примеру, если историк стремится понять, была ли разумна для Ж. Бодена вера в ведьм и одержимость демонами, то возможным путем исследования данного вопроса будет изучение того, каких убеждений в целом придерживался Боден, и в свете этого обсуждения его «странные» установки могли бы иметь какой-либо смысл. И со стороны Бодена было вполне разумно утверждать существование ведьм и дьявола, даже если в настоящее время такие утверждения не кажутся рационально приемлемыми. «Но я не поддержал тезис концептуального релятивизма. Я никогда не утверждал, что являлось истинным, что когда-то ведьмы были в союзе с дьяволом... я просто заметил, что

вопросы о том, какие утверждения считаются рационально истинными, будут изменяться в зависимости от совокупности убеждений» [12, р. 52].

Скиннер указывает, что высказывания обычно представлены как акты коммуникации, их необходимо рассматривать как аргументацию или занятие определенной позиции. Если необходимо понять какое-либо предложение, то следует рассмотреть и проанализировать, почему оно было выдвинуто. И здесь Скиннер обобщает логику вопросов и ответов Р.Дж. Коллингвуда, согласно которой понимание любого предложения требует определения вопроса, на который это предложение являлось бы ответом. Любой акт коммуникации всегда будет представлять собой занятие определенной позиции по отношению к какой-либо ранее существовавшей дискуссии или аргументации [11, р. 115–116]. В то же время некоторым высказываниям действительно совершенно не хватает контекста, из которого возможно сделать вывод о намерениях, с которыми они были произнесены, и в таких случаях историк вряд ли придет к какой-либо правдоподобной гипотезе о том, как следует понимать рассматриваемое высказывание. Иллюстрацией подобного является пример Ж. Деррида об отрывке, обнаруженном среди бумаг Ф. Ницше, где было написано: «Я забыл свой зонтик». «Как отмечает Деррида: все знают, что означает фраза “Я забыл свой зонтик”, однако, мы все еще остаемся без каких-либо средств для восстановления того, что Ницше, возможно, имел в виду, когда писал это, и вполне возможно, что он вообще ничего не имел в виду» [14, р. 92]. Однако из этого не следует, что необходимо отказаться от попыток построить или же подтвердить правдоподобные гипотезы о намерениях, с которыми могло быть произнесено высказывание. «Если мы настаиваем, как это делает Деррида, на равенстве между установлением того, что имеет место, и способностью продемонстрировать это “доподлинно”, то из этого следует, что мы никогда не можем надеяться установить намерения, с которыми текст мог быть создан, и следовательно, понять, что мог иметь в виду его автор. Но в равной степени из этого следует, что мы никогда не сможем доказать, что жизнь – это не сон... Мораль состоит скорее в том, что скептик настаивает на слишком строгом объяснении того, что представляют собой основания для убеждений» [11, р. 122].

Итак, Скиннера отличает стремление изложить историю философии и политической мысли в подлинно историческом духе, что подразумевает размещение изучаемых текстов в лингвистических и интеллектуальных контекстах, которые позволяют понять, какие действия совершали авторы, когда их писали. При этом речь не идет о проникновении в мыслительные процессы давно умерших мыслителей, Скиннер предлагает использовать традиционные методы исторического исследования, чтобы понять концепции, выявить специфические черты, оценить убеждения и, насколько это возможно, увидеть вещи так, как их видели авторы прошлого. Следуя за

Витгенштейном и Остином, историк рассматривает тексты как действия, отмечая, что процесс их понимания требует, как и в случае со всеми действиями, восстановления намерений, воплощенных в их исполнении.

Его особое внимание привлекает следующая позиция, озвученная Остином: понимание утверждений предполагает схватывание не только значения данного высказывания, но также и предполагаемой иллокутивной силы. Закономерным вопросом является определение того, что связывает иллокутивное измерение языка и выполнение иллокутивных актов, и, по мнению Скиннера, этим элементом являются намерения действующего субъекта. Основная цель любых интерпретаций должна быть направлена на то, чтобы восстановить намерения рассматриваемого автора. Надлежащая методология истории идей должна состоять, во-первых, в том, чтобы очертить весь диапазон коммуникаций, которые могли бы быть конвенционально осуществлены в данном случае посредством произнесения данного высказывания, и, во-вторых, проследить отношения между данным высказыванием и этим более широким лингвистическим контекстом.

Список литературы

1. Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.
2. Bevir M. The Role of Contexts in Understanding and Explanation [Electronic resource]. URL: https://escholarship.org/content/qt3rx2x6jv/qt3rx2x6jv_no-Splash_1ed82de1cdda83d5159b849525a5ade6.pdf (accessed: 26.09.2023).
3. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.10.2023).
4. Graham K. How do illocutionary descriptions explain? // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 147–155.
5. Hollis M. Say It with Flowers // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 135–146.
6. Janssen P.L. Political thought as traditional action: The critical response to Skinner and Pocock // History and Theory. 1985. № 24 (2). P. 115–146.
7. Keane J. More Theses on the Philosophy of History // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 204–217.
8. Pocock J.G.A. Virtue, commerce, and history: essays on political thought and history, chiefly in the eighteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 312 p.
9. Professor Quentin Skinner. Interview Transcript [Electronic resource]. URL: https://archives.history.ac.uk/makinghistory/resources/interviews/Skinner_Quentin.html (accessed: 26.09.2023).
10. Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University, 1988. P. 231–288.

11. Skinner Q. Interpretation and the understanding of speech acts // *Visions of Politics. Volume I Regarding Method*. P. 103–127.
12. Skinner Q. Interpretation, rationality and truth // *Visions of Politics. Volume I Regarding Method*. P. 27–56.
13. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 22.02.2024).
14. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
15. Tully J. Overview // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 3–6.

Q. SKINNER'S INTELLECTUAL HISTORY: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND UNDERSTANDING OF TEXTS

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

Skinner's contextualism is expressed in presenting that texts can be correctly understood and interpreted within the appropriate linguistic context. It is indicated that the combined ideas of Wittgenstein and Austin represent a special type of hermeneutics of intellectual history, a project of understanding and interpreting texts. It is noted that the interpretation of the text should be closely related to speech acts and intentions, while understanding the intended illocutionary force is a necessary condition for understanding the utterance.

Keywords: *intellectual history, speech act, understanding, illocutionary force, language.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.07.2024.